

ВАСИЛИЙ РОЖКОВ

Метеософия от Я до А

СТИХОТВОРНЫЙ КУРС

Василий Рожков
Метеософия от Я до А.
Стихотворный курс

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48416367
ISBN 9785005057440

Аннотация

Вашему вниманию предлагается авторский поэтический сборник, посвященный двадцатипятилетию сознательной творческой деятельности.

Содержание

Предисловие	6
МЕТЕОСОФИЯ:	14
Эпизод I. Как молодой гуманитарий приступает к началам анализа.	14
Спиной в бесконечность	14
Есть ли карандаш?	15
Тунгусский метеорит	16
«Мир вздыхает беспокойно ...»	17
«Одинокий дождь за собою скрыл...»	18
«Сколько, жутко интересно...»	19
В и с а	21
Ночь с мая на июнь	23
«Люблю волынки звук...»	24
М о с к в а	26
Песня о загубленном гении	29
Дурная привычка	32
В поле	34
Гроза	36
Одиночество	38
«Закат над Электросталью ...»	39
Интервенты	42
«Вначале было Слово – ослепительная вспышка...»	45

Лирическое	46
Зима пришла	48
Ж а р а	49
«Если поставить четыре зеркала...»	51
«Хитроумный месяц март...»	53
Кочевники	55
«Мы – трубадуры в десятом колене...»	56
«Белый рыцарь печального образа...»	58
«Октябрь завершился, как первый снег...»	59
Ожидание	62
«Осталось меньше получаса...»	65
Эпизод II. Как бытовые сюжеты становятся в ряд с историческими полотнами. 2000— 2009	67
Дорога	67
До седьмого неба	69
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Метеософия от Я до А

Стихотворный курс

Василий Рожков

© Василий Рожков, 2019

ISBN 978-5-0050-5744-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Человек сминает пальцами карандаш – и с такой же ловкостью поигрывает им, словно сигаретой, которую надо отвлечь перед внезапным аутодафе – совсем как раньше, когда ещё не бросил курить, и опорожняемые пачки зелья давали вдохновению огня, рассыпаясь по стихам бурыми табачными отрубями. Впрочем, и карандашу не будет работы. Громоотвод из него так себе, а ловец снов и охотник за музами просто никакой. Человек сидит перед клавиатурой с одной западающей буквой А, сидит и думает над предисловием.

«Когда верстался номер» – была такая рубрика в старых газетах. Издание уже готовится к выходу в тираж, а на помощь ему летит срочная добавка, жаждущая полноты и не терпящая отлагательств. Выходящий ныне сборник стихов обещал стать воистину очередным и не претендовал на особую тему, но явилось одно из тех воспоминаний, которые имеют свойство неожиданно приходить и столь же внезапно прятаться обратно в глубины памяти, оставляя над поверхностью маленькую голову на змеиной шее. То ли было оно, то ли не было. Вот и сейчас не замедлило явиться вовремя, чтобы запечатлиться россыпью знаков на бумажном носителе и не прятаться у памяти за широкой спиной. Человек даже поёжился (не в смысле – стал похож на ежа, а скорее совсем наоборот) от радостного осознания того, насколько

своевременно это маленькое воспоминание вышло в люди. Сделав концепцию всему сборнику и став, как любят сейчас говорить, «сутевым».

Стоял, как автору помнится, обычный пасмурный (а может и не пасмурный, а напротив – погожий, поди угадай) декабрьский день 1994 года. Недавно окончена школа, впереди необозримые дикие джунгли студенческого бытия, а пока предновогодняя суета и ожидание друзей для простого вечернего времяпрепровождения. Ни с того да ни с сего попался под руку блокнот, из тех, что заполнялись рисунками и наущными записями, в сопровождении авторучки с чёрными чернилами. И начали они соединяться в целое, наитием, чистым экспромтом настрочились одно за другим несколько стихотворений, больше похожих на безразмерные вирши, но с хитрой системой рифмовки. Не сказать, чтоб деяние это было из ряда вон. Случалось с человеком такое и ранее – с самого что ни на есть детства, по словам родителей – сразу по изучении алфавита, в возрасте, как бы не соврать, лет трёх-четырёх. Только спорадически, неосознанно и в виде детских рифмованных частушек-куплетов-побасенок. Начертанное в блокноте было чем-то новым, непонятным, настораживающе-прекрасным. Ещё не было в файлах памяти ни обэриутов с символистами Серебряного века, ни эзопова языка советского андеграунда, постсоветского стёба и неосоветского гротеска, не было знакомств с современной поэзией и живыми коллегами из словоплавильного и стихострой-

тельного цеха. По сути, в голове ещё мало что есть, tabula практически rasa. Тем удивительнее открытие, сделанное человеком в самом себе. В тот же вечер содержимое блокнота торжественно зачитывается в кругу друзей и засчитывается ими как достойное.

Это, к слову, не первая аудитория, не первая проба пера и прилюдной декламации, даже не первый успех. Всё это так или иначе происходило и ранее в маленькой человеческой жизни. Были детские альбомы для рисования, испещрённые каракулями и непритязательными рифмами, были стишки на клочках бумаги, забавлявшие одноклассников на скучных уроках, наконец – снова спасибо родителям, принявшим нужное решение – была литературная студия во главе с электростальским заводским поэтом-песенником. Может быть, оттуда и перетекла незримая река жизни в положенное ей русло, когда лет пятнадцать спустя человек работал на том самом заводе в обнимку с не самыми полезными для здоровья веществами. К счастью, недолго и не так интенсивно, как могло бы быть. Зато проза жизни не забыла отметить в своей поэтической проекции, подарив автору несколько стихотворений на производственные темы, даже просочившихся в готовый к выпуску сборник, не иначе на правах льготников.

Человек раздражённо швыряет карандаш на стол. От долговременного кручения деревянное карандашное тельце нагрелось, как заправская сигарета. Опять всё перепутано, опять рассказ кочует по событиям с разницей в десяток-дру-

гой лет! Читатель ничего не поймёт, отвернёт свой рассеянный взгляд в сторону – и пиши пропало. А как иначе? Как делать иначе, если хочется объять – объять объятное, родное и знакомое, пока ещё не основательно забытое? Указующий перст в исступлённом бессилии жмёт на кнопку, раз за разом готовясь проткнуть клавиатуру насквозь, так упряма эта своенравная буква А. Может, она по идейным соображениям не хочет вставать в общий ряд? Или это скромность? Ты, главное, не волнуйся и не считай своего читателя идиотом. Он умный, он все поймёт, соберёт по крупичкам, склеит из обломков, залакирует, поставит на полочку. Благо, есть что собирать, есть что расставлять, сколько всего понаделано за прошедшие-то годы. Тем более за те пресловутые двадцать пять лет, что отделяют не забытый декабрьский вечер от текущего момента. Ты выбросил карандаш? Значит, руки свободны, давай зажимать пальцы. Любовь и насмешка, борьба видов и единство противоположностей, пыльные кулисы истории и прогрессорский футуризм, прогулки по осеннему лесу и дремота промёрзших электричек, благорастворение и концентрация. Были и беды, и горечи, и ненастья, до сих пор звенящие где-то в самой глубине и прочными верёвками опутавшие ноги – но были и радости, с каждым новым воспоминанием те тяжелые пути ослабляющие. Были глупцы, были и мудрецы – и хорошо, что вторых всё же больше, как ни крути. А ещё – человек даже откинулся на спинку кресла, ему особенно нравятся эти слай-

ды в памяти – будет бесшабашно-весёлый студенческо-дворовый коллектив под названием «звёздочка» (четырёхконечная, безобидный «знак четырёх»), ставшая основой для креативно-музыкального (больше все-таки креативного, нежели музыкального) проекта WaterlooBugs, ярким болидом рассекшего подмосковное небо на «до» и «после» и яростно взорвавшегося единственным своим выступлением на Электростальском рок-фестивале 1999 года в составе соло-гитары, сэмпла, бытовых электроинструментов и двух свидетелей в зрительном зале; будут долгие мытарства в поиске сферы деятельности – от заводских подземелий до склочных офисов, от поездок по городам и весям до пыльных складских ангаров – и всё это не замедлит внести свою лепту в творческий процесс, отображаясь новыми стихами; случится потом и московский клуб молодых писателей, внезапный оазис родственных душ на долгом пути сквозь пустыню безвременья, заодно и полный трофеев – первых самостоятельных книг, публикаций, дипломов от сердобольных кураторов: хочешь – на стену вешай, хочешь – воздушного змея построй, а хочешь – проводи по гляncy трепетной ладошкой, вспоминая былые времена. И наконец, будет ещё один этап – созданная вместе с другом и коллегой неформальная литературная группа «Склад на Нагатинской», наречённая так по месту работы, долго оглашавшая интернет-окрестности громкими капслоками споров и дискуссий. Увы, казалось бы, и работе совместной пришёл конец, а группа все

живёт, нет-нет да высвечивает из сумрака молчания силуэт чьих-то мыслительных образов, и кипят реторты, порождая на свет очередную божью стихотварь, и вершится та самая алхимия слов, скоро в стихе воспетая. Всё было и всё будет, человек, и всему уготовано место на полочке. Не волнуйся.

Осталось дело за малым – сформулировать самому и помочь в этом читателю – что же такое «метеософия» и какими путями пробралась она на обложку свёрстанного номера? Понятно, что состоит это слово из двух более известных – «метеорология» и «теософия» срослись в нём, как сиамские близнецы, привнося с собой все смыслы, какие только могут выйти из подобного сочетания. Само слово появилось внезапно, выскочило из кожистых складок крыльев-комментариев, что прорастали у всякого нового произведения на упомянутом выше «Складе» в былые годы, более охочие до борьбы умов. В водоразделе душевных смут, на зыбкой почве познания старых стилей и школ требовалось определить себя, в пику (но не во зло) всем хиппи и буддистам, зато совершенно в «складском» номенклатурном стиле напрашивалась чёткая линия, слово-пароль для входа в мир узнаваемых с первого взгляда вещей. Определение нашлось быстро. Что же касается самой его сути, то, выражаясь кратко и сухо, автором выделяется два основных метеософских метода. Первый: изображение явлений и взаимосвязей человеческой жизни в виде близких им природных явлений (например, описание войны при помощи грозы). Второй: изоб-

ражение природных явлений и их взаимосвязей при помощи перипетий человеческой жизни (например, описание грозы при помощи войны). Это явления масштабные, соответственно, более мелкие составляющие этих явлений подпадают под аналогичный метод описания – и тогда раскаты грома становятся канонадой, сполохи молний рязят наподобие залпов реактивных миномётов, а дождевые капли идут солдатами в атаку. Разумеется, это только один из примеров, ведь игра в «что на что похоже» совсем не обязательно должна быть апокалиптически-депрессивной. Метода же в целом, остается надеяться, легка для понимания. Ничего сенсационно нового, равно как философски-замороченного в ней нет. И все же при желании в ней можно найти и классическое почвенничество, и новомодную тему экологии, и языческое соседство со стихиями, и францисканское странствование по миру в окружении милых сердцу родственных душ. В метеософии страждущий и добродетельный ум может найти всё – кроме, разве что, антропоцентричности. Здесь картина мира отчетливо ясна – человек лишь одна из планет этой звёздной системы, и так же вращается вокруг Солнца, взыскуя света и тепла.

Карандаш внезапно пробуждается и снова незаметно прыгает в руки. Его гранёный стержень уже успел остыть, и он больше не напоминает сигарету, не осталось и намёка на застарелую привычку. Только по стихам тянется до сих пор сизый дымок табачных переживаний; что ж, из песни не вы-

кинешь и этих слов. Человек зажмурился и удовлетворённо кивнул сам себе. И сейчас, продолжая вращение по своей привычной круглой орбите, он допечатывает оставшиеся строки, и работа близка к завершению. Даже у цикличности бывает пункт назначения. Какая всё же милая идея – писать предисловие от третьего лица. В той праздничной филигранной выжимке из творчества, что заполнила назревший сборник, и так слишком много Я. Автор не может без этого, он живет этим взглядом изнутри, нащупывая заветную точку зрения и возбуждая её кругообразно. Здесь же только печатный шаг по клавиатуре, и своенравная буква Альфа не спеша расставляет своих бойцов по периметру повествования; для это нужна сила воли. Особая сила особой воли, укрепляющая нервы, делающая из человека – разумного, знаменующая открытие целой прекрасной эпохи.

Но это потом, не скоро, через десятки лет. А пока – декабрьский вечер 94-го, неожиданно взрослые стихи в окружении юных старых друзей, и кошка, примостившаяся рядом на табурете, так сильно напоминает сфинкса – нет, не породой, а величественной позой и выражением лица. Она наверняка знает, что всё это только начало.

МЕТЕОСОФИЯ: **от Я до А** **1994 – 2019**

*Посвящается моим родителям
и всем близким людям*

Эпизод I. Как молодой гуманитарий приступает к началам анализа. **1994—1999**

Спиной в бесконечность

Ночь. И пакет целлофановый ночи
Окутывает с головы до ног
И ничего не видно;
Как жирный ползучий осьминог,
Магнитофон, разбросав провода
Чёрные и белые, путает ноги – обидно.
И спотыкаюсь об порог,
Брызгая словами – нет освещения

Молнии сверху и снизу
Соединились в искусном и мудром сплетеньи
удара.

Дрожью земного карниза
Отозвалось появленье базальта небесного дара.

Отгадки досужих гипотез —
Вот назначенье людское премудрого знака.
Парсеков бездонный колодец
Окончился хрустким нырком в океан буерака.

Секундную роль отработав,
Извечно лежать лицедею в своей борозде,
Внимая учёным заботам
И угольной сырости, жизни таёжной узде.

1994

«Мир вздыхает беспокойно ...»

Мир вздыхает беспокойно —
Кратковременные войны
Тянут мир в горнило бойни,
Прекратить бы волчий вой, но
Тишина терзает больно
Слух нещадно и неволью.
Тишина взрезает вены,

Будто кроем их себе мы,
И глядит самозабвенно
Красный глаз ночной сирены
На разрушенные стены
Рима, Лондона и Вены.
И кипят дурные страсти
Средь природного ненастья;
Обречённые отчасти,
Ощущаем силу власти —
Силой власть подарит счастье
Через спирт, бензин и пластик.
Каждый первый – неподсуден,
И вину его забудем,
Потому что знаем сути
Надвигающихся буден:
Это – Токио распутен,
Это – Мехико безлюден.

1995

«Одинокий дождь за собою скрыл...»

Одинокий дождь за собою скрыл
Фонари домов и монокли глаз,
Пеленая город покровом крыл,
Неуклюж и робок, как в первый раз.

Он стучит в окно, и горячий свет,

Как цепная псина, сопит в лицо;
Он на кухне снов под гитару спет
О листве и мхе в глубине лесов.

Застеклённый мир упреждает нас
О судьбе воды и счастливых днях.
Мимо нитей труб и моноклей глаз
Я пою свой путь на краю дождя.

1996

«Сколько, жутко интересно...»

Сколько, жутко интересно,
Человек без мяса весит?
Это знают повсеместно
Красный крест и полумесяц.

Полумесяц, полугоды,
Полувозраст, полувремя —
Неоправданное бремя
В лоне матушки-природы.

Человеческие судьбы
На весах стесняют гири:
Неизвестно, сколько будет
Равновесья в этом мире.

Те весы – земля и небо,
День и ночь, вода и пламя.
За далёкими снегами
Кто-то был, а кто-то не был,

Кто-то видел плоть земную,
Кто-то слышал стон под нею.
Я судьбины не миную,
Но её преодолею.

Я дышу со всеми вместе
И не сплю с утра до ночи
Тем путём, что покороче,
Без волнения и лести.

Не удача, так мытарства
Заставляют бить поклоны,
А вокруг пылают царства,
Перезвоны, стены, стоны,

Знаки свыше – словно манна:
Звёзды небо окропили,
Съели хлеб, кагор допили
И расстались без обмана.

Но судьба не терпит горя,
Увлекая в поднебесье.
Только в небе полумесяц,
Только крест на косогоре.

1996

В и с а

Птицы поют в вышине,
Тревогу на крыльях несут
Над водами озера Нево.

Ветер дикого края
Спешит поскорее укрыться
В тиши поседевших камней.

Красками древних лесов
Простёрся над миром закат,
Величавый, как Север.

Слышите, дети морей,
Обитатели скал средь воды,
Наших предков призыв?

Эхо им вторит
И молит их светлые души
О помощи в небе святого Валамо.

Заклинаю я именем Горзы,
Гардрады, великого воина Севера,
Именем Всадника Павших!

Ты, воронёный металл,
Вы, железные кони беды,
Назад воротитесь.

Будьте к лесам милосерды,
Не рвите копытами землю
Великого Севера.

Духи о мщении грезят
И тянутся руки к мечам:
Оглянитесь скорее вокруг!

Птицы на юг не летят,
Звери лесные собираются в стаи,
Солнце луною глядит.

Снова нет мира
Над водами озера Нево.
Вы ли виною тому?

Именем Сив – хозяйки земель,
Именем светлого Инга
От зла чужаков заклинаю.

Именем Одина стольного града —
Шпилей высоких Сигтуны,
Хольмгарда золотых куполов,

Именем града Небес
И святого Валамо
Чужаков заклинаю от зла.

Будьте к земле милосерды —
И средь мира других
Вы сами покой обретёте!

1996

Ночь с мая на июнь

Чёрное окно, зеркало души,
Спящие дома украшают двор,
Звёзды на столбах врезаны в узор,
Стылая луна, седокрылый лунь,
Вьёт себе гнездо в облачной глуши
В медленную ночь с мая на июнь.

Я на берегу, лёжа на спине,
Вижу, как течёт времени река;
Трепетна душа, мечется легка,
Рвётся, словно нить, в сторону окна
К линии границ пляшущих теней
Тело позабыть на период сна.

Полно! И рукой свет перекрести,
Полночи предел вживе одолей.

Ярится извне ливень-водолей.
Мысли вдалеке, ближе – тишина.
Тишь и мысли взять да переплести —
Народится ночь, белая луна.

Лета первый час тень поцеловал;
Первые цветы – блики на стекле,
Старая печаль нежится в тепле,
Ранит, как клинок, в темя остриё,
В руки и дела, в лица и слова,
С будущим смешав прошлое своё.

Чёрное окно, котлован без дна
Вырыт и залит вечной пустотой;
Порохом слова, мысли кислотой,
Угольно-свежо, подойди да плюнь —
Выдержит позор скорбная луна
В ветренную ночь с мая на июнь.

1997

«Люблю волынки звук...»

Люблю волынки звук
Ночную тишиною,
Где месяц, звонкий лук,
Простерший надо мною
Огнистую стрелу,

Полоской золотою
Тугую тетиву.

Люблю в ночи костёр
Среди глухого леса,
Когда дремучий бор,
Как плотная завеса
Иль сложенный забор
Рукой каменотеса,
Сжимает темень створ.

Вечерний ветерок
Стремглавый уважаю,
Когда приходит срок
Осенний урожаю,
Когда сухой листвы
Богатые посевы,
Как кудри с головы
Волшебной королевы,
Скрывают мир травы.

Чарует белый снег
Неслышно-величавый
И волн жемчужный бег
Короткими ночами,
Леса у лона рек
Степенны и курчавы
И камня оберег.

Две вечные реки
Пересечением линий
Уходят далеки
Туда, где купол синий,
Где в жаркие пески
Старателей пустыни
Ведут проводники.

А выше серых крыш —
То пасмурна и грозна,
То безупречна тишь,
И, рано или поздно
Увидя, ощутишь,
Как недоступны звёзды,

Как мирна тишина
И яростна порою,
И как мечта ясна,
Но далека – не скрою.
Одна, всегда одна
Уводит за собою,
Как полная Луна.

1997

М о с к в а

Прислушайся, многоголовое диво,

Мой слог подсказали былые века.
В воде отражая рубин маяка,
Тебя пополам разделила река,
И ты по ночам ожидаешь прилива.

Не здесь бытовала Господняя милость,
Когда, семихолмие взяв в оборот,
В краю средь дремучих лесов и болот
Свободный, суровый и юный народ
Увидел то место, где ты появилась.

Склони влево голову. Чувствуешь, горло
Саднит семь веков кочевой стрелой?
Но ты кровоточишь кремлёвской стеной,
Как в шёлке червлёном резной аналой,
Бурлацкого стога не ведая гордо.

Столица столиц, неизвестно когда
Тебя породило хмельное застолье,
Крестило и нянчило Дикое Поле,
В булатном клинке и брезгливом монголе
Грядущие беды твои увидав.

Два Рима приветливо машут твоим
Малиновым звонам развесисто-медным
Не то – по пожарам, не то – по обедням;
Ты – третий и, видимо, ставший последним,
Уже обречённый, но дышащий Рим.

Невольник, закованный в звенья колец,
Восставший из тлена героем и богом,
Царь-Пуля ночным и безлюдным дорогам,
Царь-Молот чугунным божкам-недотрогам,
Царь-Солнце бульварам влюблённых сердец.

Твоё хлебосольство заметно во всём:
Покрыли пожарища многие кости.
Земля плодovита – хоть камушек бросьте,
И явится статуя в истинном росте;
Мы семя бросаем – и тоже растём.

Число потеряла своим переменам,
Но ликам чужие дала имена,
И вслед за тобой узнавала страна,
Кому и какая культура нужна
Прививкой твоим воспалившимся венам.

Твой приступ опасен и неизлечим,
Ужасными язвами видятся раны,
Но боль заглушают высотки-стаканы,
Садятся на башню-иглу наркоманы,
Вживляя рабов в настоящих мужчин.

Два шага назад – престарелый союз
На фоне бинтов кумачового цвета
Встречает слезами преддверие лета,
И осень, которую помнит планета,
Приветствует память египетских муз.

Хоть выстроен храм, не отмолишь бассейна,
Ведь стены не люди – скорбят о былом.
Леса заменив на стальной бурелом,
Суровый народ твой за общим столом
Пропьёт шелуху молодого веселья.

А палец ласкает дрожащий курок,
Где отблески звёзд козырьки отражают,
Где в девичьих муках поэты рожают
И, грудью вскормив, убедительно жалят
Стихами тебя покрывающий смог.

Столица столиц, не стесняйся, октись,
Щепотью печатая крестное знамя —
В лихую годину ты будешь за нами,
Ночными огнями, речными волнами
И прошлым великим по праву гордись.

1997

Песня о загубленном гении

Расскажу я о парнишке,
Что умудренные книжки
Возлюбил, как свою родину и мать.
Сын профессора внебрачный —
Оттого-то, однозначно,

Осенила его свыше благодать.

Вундеркиндом слыл он с детства,
Получив талант в наследство,
И штудировал не покладая рук.
Любо-дорого собратъся,
На него полюбоваться
Представителям естественных наук.

Получал большие баллы,
Разгрызая интегралы,
Ломоносову дал сто очков вперёд
И любую мог задачу
Сделать так или иначе,
Или, может быть, совсем наоборот.

Но однажды – что за дело?
Уравнение хотело,
Очевидно, заработать кренделей.
Он его и так, и этак —
Уж на что сметлив и меток!
Не чета ему какой-то Менделей.

Но беда приходит скопом —
Залился холодным потом
И занервничал, на стульях заскакал.
От такого напряженья
Три другие упражненья
Уложили его слёту наповал.

О, всевидящие боги!
О, родные педагоги!
Я ль родился для подобных неудач?
Дрожь в руках, глаза слезятся
И сливаются абзацы
С невозможностью решения задач.

Разозлившись до предела,
От бессилия взревел он,
Трёхэтажным покрывая интеграл,
Проклиная всё на свете,
В потемневшем кабинете
Все учебники на части разорвал.

И когда он отключился,
От учёбы отлучился,
Просто заперся в кладовке и курил.
И в густом дыму табачном
Положил он на задачи,
На Ньютона и Склодовскую-Кюри.

От такого горя запил —
Поначалу парой капель,
А потом опохмеляясь по утрам,
Мудрых книжек не читая
И спиртного не считая,
Покатился в бесконечный блуд и срам.

Скажут: как он в личном горе
Мог забыть о Пифагоре?
Но, товарищи, его ли в том вина?
Ведь не всё так чисто-гладко —
Затаилась опечатка,
Подвела полиграфия пацана.

1997

Дурная привычка

Дразнит стихия барашками скрип уключин
И надзирателей потусторонний крик.
Кожа лоснится испариной, сед и скрючен
В полные двадцать уже глубокий старик.

Обруч запястье жмёт, никуда не деться.
В воду б свободным дельфином – а в спину залп.
Слышно в пол-уха, как застонал по соседству
Новоприбывший в этот зрительный зал.

Тишь разлилась над морем, но рвут перепонки
В оба фальшборта удары глухих бичей.
Чей же ехидный смешок дребезжит в сторонке?
Нет никого за спиной – неизвестно чей.

Кливер в свободном паденье пугает чаек,
Отдых усталой галере, но не гребцам.

Так хочется верить, что этот удел случаен,
Что не дошёл до такой ситуации сам...

Воля ушла, и на палубу кортик брошен;
Труд невеликий – потуже связать ремешком
Меня, о котором думали как о хорошем
И о котором думают как о плохом.

С боя позорно взят, обезоружен,
К банке прикован навечно, как злобный пёс,
Чтоб утонуть со всеми в солёной луже
Или разбиться о близлежащий утёс.

Снова хребет полосуют двойные петли,
Руки в мозолях сжимают древо весла.
Виден ли остров на горизонте, нет ли —
Полный вперёд до команды, и все дела.

Шанс не исчерпан, главное – выждать время...
Но вновь незнакомец является, хохоча.
Я – капитан, и стою на мостике с теми,
Кто угощал партер черенком бича.

Дьявол морской усмехается: чаще, чаще!
Я за собой наблюдаю со стороны.
Флагману слава; гребцу от того не слаще,
Мы одинаковы, но далеко не равны.

Я – раб на своей галере, солдат неудачи,

Рыбам на корм, как раздастся последний вздох.
Так будь что будет, пусть неудачник плачет.
Выбор был сделан, выбор не так уж плох.

1997

В поле

В поле ветер, в горле ком.
Стонет колокол по ком?
В небе зарево ликует,
Земляника с молоком.

В поле воин – и один,
Сам батрак, сам господин,
Да душа навзрыд тоскует
О поре лихих годин.

В поле пусто, ни души.
Кто-то факел потушил
И идёт во тьме кромешной
По неведомой глуши.

Слева яма, справа ров,
Да и розочка ветров —
Не оружие, конечно,
Не спасительный покров.

Волки воют, выпь орёт.
Не сворачивай, вперёд
По проторенной дороге
Дни и ночи напролёт.

Бог нечистым судия,
Наш Всевышний, а не я.
Лучше выпросить подмоги
У бездомного зверья.

Святой Боже, рассуди,
Нашу совесть разбуди,
От заката до рассвета
Злую порчу отведи.

Раздобыть бы пищи впрок
Да зажётся б костерок —
Будет верная примета,
Что меня услышать смог.

В поле нежить да навьё
Топчут спелое жнивьё
Перед первым ку-ка-реку
Заберут себе своё.

Не боимся чёрных чар,
Жги, костёр, мою печаль,
Прогони её за реку,
За таинственный причал.

В поле росы, маков цвет.
Видно, близится рассвет.
Краем неба ходит солнце,
Если это не навет.

Поседевшие угли
Чутко руку обожгли,
А один еще смеётся
В оседающей пыли.

Торной тропкой вкривь да вкось
Место людное нашлось,
Озерцо от старой дамбы
Серебрянкой разлилось.

Тянет сдобую от хат,
Вдоль дворов вишнёвый сад.
Боже, эту роскошь нам бы
Обнаружить ночь назад!

1998

Гроза

Сверкает. Грохот. Но дождя нет.
Благоговение и ужас.
Того гляди сейчас достанет

Меня волна, надрывно тужась.

Поёт она, листве на плечи
Кладёт тяжёлые ладони.
За горизонтом – поле сечи,
Дай Бог, оно меня не тронет.

Стучат вдали неторопливо
Шаги опомнившейся влаги
И под одеждою прилива
Поспешно прячутся коряги.

За светом свет помалу-мало
Соединяет землю с небом,
Река у старого причала
Пересеклась заметным следом.

И снова гром. Бело и ясно.
Зарницы катятся под гору.
Стоять и ждать небезопасно
С ума сошедшую погоду.

Иду, а в спину канонада.
Как тяжелы косые струи!
Свободу дали им, и надо
Сломить оковы конской сбруи.

Тому назад ещё минуту
Гроза всухую побеждала,

А нынче кажется, как будто
Она выигрывать устала.

Теперь почётней и приятней
Работать в шоу режиссёром,
Бросать сверкающие пятна
По затаившимся просторам,

Дарить трезубцы белых молний
Беспечной облачной отаре
И облачать речные волны
В намокший шёлк индийской сари.

Во тьме деревья принимают
Совсем не царственные позы.
Не каждый день у нас бывают,
Как осы, жалящие грозы!

До дома шаг. Поклон к поклону
Великолепию стихии.
Когда ещё во время оно
Случались бедствия такие!

1998

Одиночество

Отдых от света.

Привыкли глаза к тишине.
Комната – семь шагов в ширину,
В разрез – день деньской.
Птица-люстра, мне спой
И в ответ я шепну,
Есть такая примета:
Солнце – извне.

Я стою на часах,
А часы всё спешат,
Спешат умереть навеки,
Закрытые веки подлунных снов,
Тревожащих корни основ
И монограммы чисел.
Они убивают,
Во время прыгают вовремя
И убывают
Одно за другим.

1998

«Закат над Электросталью ...»

Закат над Электросталью —
Такое нечасто увидишь.
Покрыты холодной эмалью
Оконные стёкла, на идиш
Расписано тучами небо

И взгляд его мрачен и колок.
Колёса проезжего кэба
Вминают в асфальт ветви ёлок.
Усыпали трубы и иглы
Подушечку цвета маренго,
Вернулись жестокие игры,
И снова мы стенка на стенку,
И снова на улицах схватки
Смертельные и родовые,
И снова бегут без оглядки
Японские городовые.
Лежат на заплаканных рельсах
Упругие скользкие тени,
Напрасно пытаюсь согреться
На них. По известной системе
Растерянный жёлтый автобус
Хромает вдогонку вагонам,
А там – юбилейная пропасть
Полна до краёв самогоном,
Там валит народ из Завода
Тяжёлого Телосложенья,
Заблудший работник ОСВОДа
Размашисто мерит сажени,
И, где проходимо и мелко,
Кингстон откупорило время,
Поскольку секундная стрелка
Пропала на местном Биг Бене,
Поскольку испуганный ветер
Прижался к бетонной ограде,

Желая, когда на рассвете
Подует зефир в шоколаде,
Уйти. Прилетит на замену
Сумятица утренней спячки,
Набатов ударятся в стену
Гудков телефонные стачки
И скажут о том, что не умер,
Родился и здесь обитает
Вечерний малиновый зуммер —
Над городом тихо витает,
Поёт колыбельные окнам,
В шершавом английском тумане
Фонариком светит в висок нам,
Раскованной грацией лани
Минует пути эмигранта
На Запад, за край манускрипта
В объятьях небесного канта,
В узорочье звёздного шрифта
Уйдет, чтобы снова вернуться
Сюда, где проплешины света
Глаза, как огромные блюдца,
Упрямо таращат на это,
Сюда, где Кольцо Зодиака
Ещё с девятью обручилось,
Где знает любая собака
О том, что ещё не случилось,
Но скоро случится. Алеет
Истерзанный шрамами купол,
Ведёт по забытой аллее

Ушедших на пенсию кукол.
Такая уж выпала доля —
Барахтаться в ливне кошерном
Арбитром для ратного поля,
В родильных домах – акушером.
Гордится своей ипостасью
Из вод возродившийся Китеж —
Закат над Электросталью,
Который не сразу увидишь.

1998

Интервенты

Барабаны и корнеты,
Капитаны, лавагеты
Золочёными орлами
Освещают путь к победе,

Трубным гласом пропаганды,
Ароматами баланды
Дразнят лучшую из армий,
Величайшую на свете.

Строй нестройный, громогласный,
Золотой, пурпурный, красный
Командиры украшают,
Разодетые парадно.

Гренадеры, мушкетёры,
Моты, бабники, бретёры
От Мадрида до Варшавы —
В неизвестность – и обратно.

На телегах, на лафетах,
В фурах, собственных каретах
Господа уже играют
На обещанные страны.

Пэры, маршалы, маркизы
За трофейные сервизы
Друг у друга отбирают
Званья, титулы и саны.

Вдалеке от женщин вздорных
В окуляры труб подзорных
Видно страждущее око
Коллаборационистки.

И стремится к ней вояка,
Не подумавший, однако,
Что прекрасное далёко
Станет смертоносно-близким.

Серебро под сапогами
Станет белыми снегами,
А прогулочные рощи

Превратятся вдруг в завалы.

От Варшавы до Мадрида
Наприступные для вида
Обернутся злы и тощи,
Наги, босы и усталы.

Побежит за ними следом
Долгожданная победа
И ладонью в рукавице
Ниже спин их будет шлёпать.

И удары эти градом
Скачут вечным арьергардом
От столицы до столицы
Под колено да под локоть.

А когда залечат раны
Молодые ветераны,
Персифали, ланцелоты,
Господа-комедианты,

Упадёт корона с трона,
На дрова пойдут знамёна,
Изотрётся позолота,
Потускнеют бриллианты.

Долго ждать им не придётся —
От другого полководца

Примут маршальские жезлы
Стратилаты, воеводы.

Глядь – и вновь неутомимо
Строевая пантомима
Конно, людно и железно
Оседляет гребень моды.

1998

«Вначале было Слово – ослепительная вспышка...»

Вначале было Слово – ослепительная вспышка.
Так молнии решили и открыли в небе кран.
Потом пришли раскаты, их замучила одышка,
Они себе налили горячительный стакан.

Прошло четыре утра; клавесином подоконник
Служил безумным каплям, сочиняющим стихи.
– А помните, как раньше гарцевали в небе кони?
Вращая бакенбардами, ворчали старики.

Заливисто смеялась ослепительная вспышка.
Так молнии задумали ответить старикам.
Явились отголоски с барабанами под мышкой
И дрогнувшие пальцы опрокинули стакан.

Полнеба затопило, а вода сровнялась с сушей,
Раскаты закрутили старый вентиль до щелчка.
– Мне конский топот слышится,
внимательно послушай!
Старик шептал взволнованно над ухом старика.

И снова завальсировали облачные кони —
Так издревле предсказано хозяином небес,
А молнии с раскатами в обнимку на балконе
По нотам-по перилам исполняли полонез.

1998

Лирическое

Я приеду к тебе верхом
Сквозь туман Андромеды,
На крутой одинокий холм
Без сомнения взъеду,

Огляжу с высоты твой дом
И коня пришпорю.
Я приеду к тебе верхом
По зелёному морю.

Я корабль направляю свой

В заповедную бухту
И к тебе, как к себе домой,
Очень скоро прибуду.

Пусть огнями морской святой
Красит мачты во тьме,
Я корабль направляю свой
К маяку на холме.

Белым аистом прилечу
К твоим окнам однажды,
Подойду, словно в зной к ручью,
Утолить свою жажду.

Поздней осенью я хочу
Отыскать твой дом,
Белым аистом прилечу
И совью гнездо.

Человеком к тебе приду
Неизвестно откуда
И обратно дорогу ту
Одолеть позабуду.

Замерзая в шальном бреду
Ледовитого танца,

Я однажды к тебе приду,
Чтобы здесь остаться.

Но минует недолгий срок —
Я уеду снова.
Чередой лошадиных ног
Застучат подковы.

Отмотаю клубок дорог
До земного края
И опять на недолгий срок
Я тебя узнаю.

1998

Зима пришла

Распался чистый изумруд
Лугов среди лесной глуши.
Под снегом красками умрут
Они, прикажут долго жить.

Ещё силён и светел яр,
Но всё на убыль вместе с ним
Уйдёт, и листьями пожар
Древесных крон храним.

Кирпично-алый клён бубей
Опять побил червовый туз
И холод давит, хоть убей,
На спину, словно тяжкий груз.

Нога тонула в опадавших
С деревьев девственных мирах.
Там, где костры пылали раньше,
Теперь светлеет прах.

Откроет день глаза – лишь слово
Воочию узрит, лишь лес,
Что на стекле был нарисован
Молитвами морозных месс.

И снова будет в двери выюга
Стучаться ночи напролёт,
И, в старом потеряв друг друга,
Найдёмся в новый год.

1998

Ж а р а

Душно. Без тепла —
Одно название на странном языке.
Воздух, как смола,
Растворяется в протянутой руке.

Люди, словно цепкие следы
Других людей, уже бывавших здесь.
День в позе лотоса сидит
И превращает в огнедышащую смесь
Самого себя.

Душно.

Плавленным сырком желтеет весть,
Что нам уже не нужно
Прятаться под крыши и зонты,
Шляпы, переборки и мосты.
Даже у воды
Сталь покрывается дремучей сединой.
Тайные ходы
Пересекает, как шлагбаум, летний зной.
Дороги дальние в объезд
Проводят правду между двух больших костров
И пламенеют, словно кровь
Других людей, уже бывавших здесь.

Душно. Стынет лес

Под одеялом утомлённого мирка,
С молитвой или без
Ждёт терпеливо наступленья ветерка.
Чёрные останки на краю,
Летит над озером измятая труба,
Сбита и контужена в бою
Очередная надоевшая изба.
Весело и дружно

Горят надежды и зелёные цвета.
Нестерпимо душно
И под подошвами мирская суета
Других людей, уже бывавших здесь,
Коверкает обугленную жуть
В новые структуры.

Яблочный раздор
По небу катится с востока на закат.
Огненный узор
Плетёт над нами восьминогий коловрат.
В облачной извёстке потолок
Покрылся пятнами от красного вина.
В самых окончаниях дорог
Жара спокойна и по-женски холодна.
Душно от дыхания в лицо
Других людей, уже бывавших здесь.
Прыгает по кочкам колесо.
Вон за ним с нарочитой ленцой
Скачет сам не свой, дрожащий весь
Этот душный мир.

1999

«Если поставить четыре зеркала...»

Если поставить четыре зеркала
В разных углах опустевшей комнаты,

Можно увидеть глазами Мерлина,
Что отражения будут сомкнуты,
Что зеркала эти будут спаяны
Однообразием измерения;
Как коридор заскрежест ставнями,
Можно услышать ушами Мерлина.
Можно дрожащей рукой дотронуться
До обходного пути в континуум,
И излучение в виде конуса
(Как доказательство от противного,
Что доказуемое приемлемо)
Может исподтишка почудиться.
Можно почувствовать телом Мерлина
То, что он чувствовал всеми чувствами.

Можно принять это всё как должное,
Как неразменные догмы времени
И, уперевшись в паркет коленями,
Четверочастное невозможное
Пить всеми фибрами, всеми жилами,
Петь ритуальную песнь друида,
Жить под заснеженными вершинами,
Жечь на курганах костры для вида,
Спать, обернувшись небесным бархатом,
Гнать из кореньев настои дивные,
Ноги босые изнежить пахотой
Как доказательство от противного.

И, наигравшись с перемещением

Линий былых параллелей времени,
Можно увидеть вдали свечение
Белых одежд чародея Мерлина,
Дружеским жестом привлечь внимание,
Взять и примерить святую мантию,
С нею приняв сокровенные знания
На долговременную гарантию;
Не упуская такой возможности
Как доказательство от противного,
Мерами личной предосторожности
Можно добиться интуитивного
Проникновения в воспоминания,
Что для других навсегда потеряны —
Можно использовать эти знания,
Став воплощением мага Мерлина.

1999

«Хитроумный месяц март...»

Хитроумный месяц март
Смотрит прямо на гнездовья
Возвратившихся грачей,
Он играет в бильярд,
Загоняя солнце в лузу
Равноденствия весны,
Мегафон на каланче
Разливает славословья

По веснушчатым щекам,
Солнце плавит снег и хлам
Как ненужную обузу —
Эти действия ясны.

Эти действия нужны,
Чтобы март поторопился
Поменяться на апрель,
А с пологой стороны
Покатались бубенцами
Золотые голоса,
Чтобы несколько недель
Лёд неистово топился
В наводнении тепла
И зелёная краса
Развалилась на татами
Биллиардного стола.

И теперь, куда ни кинь,
Будет общее веселье
И пространство для игры,
Помечая мелом кий,
Смотрит март заворожённо
С лёгким прищуром на цель,
От холодной кожуры
Избавляет он весенний
Яркий цитрусовый шар,
И использует капель
Свой коронный запрещённый,

Свой решающий удар.

1999

Кочевники

Рождённым здесь быть, здесь же вырасти,
здесь и крепчать
И здесь набираться премудрости, силы и воли.
Бескрайние степи, Тартария, Дешт-и-Кыпчак —
Его ль мы оставим,
навек покинем его ли?

Когда подрастём и дадим подрасти лошадям,
Суровой рукой посылая горящие стрелы,
Мы степь не забудем и долгие годы спустя
Её возродим, попирая чужие пределы.

Пусть гнутся посевы от топота тысяч копыт,
Пусть льются проклятья из тел,
рассеченных до паха!
Гребёж и насилье – степной незатейливый быт,
Палитра и краски – топор да кровавая плаха.

Мы сабельный росчерк оставим на стенах церквей.
Пусть бряцанье стали взлетает
к задумчивым сводам!
Долой все препятствия! Станет свежей и светлей

От огненной пляски, идущей за нашим походом.

Упрямый хакан и подвластный народ-рыболов
Почёсывать бороды примутся в недоуменьи,
Увидев на колышках дюжину русских голов
Под хохот шакалов и наше злорадное пенье.

И будет курган из булата, шелков и камней,
А также из тех, кто не смог до конца покориться.
Потом будет ночь, и исчезнет

в голодном огне

Достойная жертва прародине протоарийца.

Чванливые гунны, по жизни в седле и в пыли,
Взращённые ветром и бурой ковылью номады,
Мы снялись с кочевий на поиски новой земли
Под знаком цветущей двенадцатиградной Троады.

Итильские воды поглотят немало веков,
Мы станем другими,
мы стены поднимем из пепла,
Пока на Востоке иная волна кыпчаков
Уже рождена и растёт, но ещё не окрепла.

1999

«Мы – трубадуры в десятом колене...»

Мы – трубадуры в десятом колене.
Прадеды наши кривлялись на сцене,
Рвали на теле льняные рубахи,
Врали бессовестно байки о Бахе,
Моцарту ставили палки в колёса,
Ярко горели в кострах наркомпроса
И, улетаая в туманные дали,
Это кривляние нам завещали.

Мы переняли у них эстафету,
Долго бродили по белому свету,
Пращуров чтили бесславное имя
И познавали позор вместе с ними,
Пели о том же другими словами,
Так же горело костровое пламя,
Тем же путём отделяясь от тела,
Наша дорога с подмостков летела.

Нам, трубадурам, легко разобратсья,
Чем может завтра для нас оказатсья,
Дружно мы тянем стригольничью лямку
И в утверждённую свыше программку
Вносим поправки по прихоти нашей,
Зрителей кормим берёзовой кашей,
Критиков поим дешёвым елеем
И для себя ничего не жалеем.

Вас, менестрелей второго десятка,
Граждан грядущего миропорядка,

Наше послание тоже коснётся —
Новому классику, если придётся,
Ставьте в колёса не палки, а брёвна,
Не обращая вниманья на рёв, но
Будьте готовы любому кострищу
Дать от себя калорийную пищу.

1999

«Белый рыцарь печального образа...»

Белый рыцарь печального образа
С лебединым крылом.
Он помечен крестом на темени
И на левой руке.
Под копытами гибнут маки
Алым сабельным шрамом.
Где проскачет крылатый конь,
Там останется этот след.

Затихают за горными кряжами
Песни дальнего боя.
Он там был, он тоже участвовал
В хороводе, летящем вверх.
Но рыцарь не тот, что раньше —
На исходе и время, и силы.
Завершая последний танец,
Он уснёт на примятой траве.

Щедро побитый ветрами
И обильно умытый влагой,
Не расстанется он навеки
С благородным своим забытьем,
Сквозь забрало стального шлема
Прорастают новые маки
И склоняются над крестами
На темени и руке.

Этот сон не прервётся громом
Тёмных туч и победных цимбал,
Он слишком глубок и приятен,
А рыцарь слишком устал,
Слишком просто слагаются строки
Гимна во имя любви
К чёрной даме, прекрасней которой
Не отыщется в мире живых.

1999

«Октябрь завершился, как первый снег...»

Октябрь завершился, как первый снег,
Опозоренный утром мазком гуталина,
Только белые хлопья с тонким запахом тмина

Замедляют на миг свой решительный бег.

Я смеюсь с хрипотцой, и ладонь козырьком
Защищает глаза от морозного пара.
В накрахмаленной ткани влюблённая пара
Поздравляет себя с очередным вечерком.

Пожелтевшие листья, побелевшие лица
Опадают с деревьев, не стесняя соседей.
Листопад шелестит на затёртой кассете —
Он записан для тех, кто устал веселиться.

Это классика звука, сказка чистого леса,
Мой любимый спектакль без конца и антракта.
Я однажды и сам в нём участвовал как-то
И у публики вызвал волну интереса.

Пелерину кулис пузырит ветерок,
Но царит тишина, где суфлёрская будка.
Напряжённые вздохи, становится жутко,
А на ухо принц датский твердит монолог.

Бенефис в октябре вышел лучше не надо,
На стенах и заборах он расклеил афиши,
Для родных и знакомых сделал скидки, а выше
Серебром огоньков занялась баллюстрада.

Улыбалась луна, поправляя очки
И шлифуя платок на морщинистом лбу,

Свою заячью жёлтого цвета губу
В ожидании чуда убрав в кулачки.

Демонстрации улиц, такси-часовой,
Эскалатор дождей и грибная орда —
Мне мозаику эту сложила вода,
Запорошила сверху всё той же листвою,

И потрескивал лёд на тугих проводах,
Неумело копируя аплодисменты,
Из премьеры моей озорные моменты
Живописец-мороз вывел в светлых тонах.

Оркестровая яма, как горный разлом,
Извлекла, потревожив планетную ось,
Плагиат на мотив, которым всё началось —
Получилось красиво, но о чём-то своём.

Я услышал его посреди тишины
Под напором пытливого взгляда суфлёра,
Взял обрывки стихов для либретто и скоро
Окрестил его гимном осенней страны.

Снег играл остротой моего чутья,
Он парадным строем прошёл и лёг;
В зале гаснет свет, прозвенел звонок.
Где октябрь завершён, там был начат я.

Ожидание

Здесь через сто миллионов лет,
Может быть раньше, может быть позже,
Будет стоять монумент
Тому, кто просрочил обратный билет,
И мне, наверное, тоже.

Переживут этот славный момент
Те, кто не ждал под солнцем палящим.
Значит, не им монумент
В будущем будет стоять в настоящем
Ещё через сто миллионов лет.

Я на вокзале, до поезда час,
Сотни экю не хватает до пива.
Я – составная часть
Нашего творческого коллектива,
Было б с моей стороны некрасиво
В таком коллективе скучать.

Прячусь в тени от несносной жары —
То ли бодрствую, то ли в раздумье.
Рядом звенят комары
В тихом и неизмеримом безумии.
Мы – компоненты его игры,
Мы создаём для него миры,

Тратим плёнку на дубли.

Мимо перонных сияющих касс,
Мимо позывов шашлычного цвета
Рысью несёт первый класс
Жителей провинциального гетто,
И под кокардой дымит сигарета,
Из тамбура глядя на нас.

Час с половиной – на «зоне» не срок,
Здесь он – период полураспада.
Поёт милицейский свисток,
Плюёт запоздалый гудок
На семь кругов привокзального ада,
Очерченных циркулем ног.

Все мы герои, ведь нам не впервой
Жить девять жизней вне общего плана,
Все мы гордимся собой —
Дворник, карманник, студент, постовой,
Звёзды экрана, старейшины клана.
Пункт назначения – просто нирвана
Или езда по прямой.

Нам передали с младенческих лет
Веру в прибытие без опоздания,
Вера тенями сползает по зданиям,
Скука ушла на обед,
Вечность для нас эту пьесу поставила,

Эти настольные игры без правила,
Этот безмолвный балет.

Два баснословных условных часа.
Стрелка минутная возликовала,
Где-то за краем земли полоса
Оторвалась от платформы Усад,
По-партизански минуя леса,
Наше терпение атаковала.

Вот она, радость – не ждал, не гадал!
С неба свалилась и дверь отворила.
Помню из книг: Золотая Орда
Так же примерно брала города,
Как покидала великая сила
Старый усталый портал.

Слава героям, кто сел у окна,
Неудовольствие жестами выдав!
Место для женщин с детьми, инвалидов,
Пьяных и разных других индивидов
Канонизирует их имена.

Кисло-лимонный вокзальный сарай
Через минуту останется в прошлом,
Мы отправляемся в рай,
Хочется думать о чём-то хорошем
И стуки по стыкам железнодорожным
Охотно принять на ура.

Алым атласом натянутых лент,
Хлебом и солью, цветами встречайте
Тех, кто обрёл в ожидании счастье,
Кому через сто миллионов лет
Будет поставлен-таки монумент,
И мне вместе с ними отчасти.

1999

«Осталось меньше получаса...»

Осталось меньше получаса
До дня, когда
Новейший год почтёт за счастье
Придти сюда.
Минут каких-то двадцать девять
Пройдут быстрее,
Чем мы надумаем засеять
Среди полей
Сырую землю под покровом
Добра и зла
И попытаться сделать снова
Свои дела.

Новейший год – не тот, последний,
Что был вчера.
Последний год уже осмеян

Свинцом пера,
Последний год уже оплакан
С утра – и вот
Мы ждём, когда заблещет лаком
Новейший год.
Огонь разбрасывает искры
Среди ветвей;
Последний не был слишком быстрым,
А наш – быстрее.

Прямее, дольше, чище, проще
Мы ждём, когда
На сломе этой белой ночи
Придут года
Один другого всё новее,
Мы ждём давно.
Смотрите – солнце багровеет!
Свет льёт в окно!
И полчаса уже минули,
И ночь прошла.
Наш год в почётном карауле
Добра и зла.

1999

Эпизод II. Как бытовые сюжеты становятся в ряд с историческими полотнами. 2000—2009

Дорога

Стремительнее селя меняются пейзажи,
Мелькают слева-справа красоты и уродства,
Фасады, подворотни, убийства, благородства
При свете фар, софитов и инфракрасном даже.

Дождливые пустыни и знойные болота
Сигают под колёса, стремясь к преображению,
Мешая, помогая и радуясь движению,
Теряя, обретая и сторонясь кого-то.

Роскошные хибары в малиновой обёртке
И сказочные виллы, как угольные груды,
Неоновой рекламы лукавые Бермуды
Нарочито наивны, разносторонне-вёртки.

Лежачий полицейский с простреленной ключицей
И девочка седая с опятами в лукошке,
Бездомные коровы, кладбищенские кошки —

Здесь всё непостоянно, оно сейчас умчится.

А воздух – что за воздух! Он дышит нашей грудью,
Он смотрит нам в затылок и давит на лопатки,
На травах оседают кислотные осадки,
Русалки нерестятся в заброшенной запруде.

Мерещатся пещеры подземных переходов,
Висят над головою аркады белых радуг,
Вещают транспаранты: порядок есть порядок! —
Признание единства вождей и их народов.

Оливковые ветви, ковёр еловой хвои,
Горящие пентакли и звёзды Вифлеема —
Летит от напряженья большая микросхема,
По ходу отдыхает и движется в покое.

Деревья вдоль дороги, зачатые попарно,
Родятся близнецами и дублями сторают,
Из засухи приходят, в потоке умирают,
Всё пахнет парадоксом, все видится полярно.

И только на радаре всё просто и понятно —
Мерцающая точка лежит по курсу прямо,
Недвижима, стабильна, подтянута, упряма,
Размеренно-тактична, предельно аккуратна.

К ней фары тянут руки, пылая жаждой страсти,
Притягивают ближе, в объятиях балуя,

Смеётся радиатор, желая поцелуя,
Дрожат от испуга усталые запчасти.

Так близко, так конкретно мгновение стыковки,
Скрываются в тумане все виды справа-слева,
На выдохе из лёгких летит строка припева,
Постукивают дробно рифлёные подковки.

Распластаны на окнах людей эквиваленты,
Замедленные кадры, шедевры галереи.
Сначала скорость света, потом в сто раз быстрее
До полного успеха, до тонкой синей ленты.

2000

До седьмого неба

Ещё не свечерело,
Но солнце собиралось
Ложиться почивать,
В прозрачном пенюаре
Отправилось на запад
В пуховую кровать,

Свечи не задувая,
Прошлёпало босыми
Ногами по ковру
И мокрую причёску

Косынкой обернуло,
Чтоб снять её к утру.

В руке мелькнула связка,
И вот уже нашёлся
Необходимый ключ,
Три плавных поворота —
Под приоткрытой дверью
Пробился жёлтый луч.

За ней таили спальню
С широкою кроватью
Другие шесть дверей,
И каждую светило
Своим ключом открыло,
И каждую – быстреей.

Тогда перед глазами
Возникла перспектива
Семи небесных сфер,
А солнце за последней
Легло под одеяло,
Подав другим пример.

Прекрасным многоцветьем
Пестрила анфилада
От охры до сурьмы —
Такое всей планете
Увидеть было надо

Теперь, среди зимы.

Но то лишь я увидел,
Идущий по сугробам
Где люди не живут,
Когда явились разом
Семь стадий перехода
На несколько минут.

Уже дрожали петли
Седьмой, последней двери,
От времени скрипя —
Там солнце засыпало,
Прочтя на сон грядущий
Молитву про себя.

Желая потревожить
Хоть раз покой светила
В багрянце одеял,
Я вышел на дорогу,
Решимости набрался

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.